

§ 9. О господстве и личности. — Право завладения в области интеллектуальной

Допустим однако на время, что принцип литературной собственности основателен. За тем следует перейти к применению его, но тут то и окажется затруднение. Каким образом, в самом деле, установить эту собственность?

Конечно в основание её нельзя положить самое произведение автора; мы достаточно уже доказали, что от понятия о производстве далеко еще до понятия о собственности; мы доказали уже, что произведение, подчиняющееся условиям мены, спроса и предложения, передачи, уплаты, расчёта, не может служить таким фондом, из которого бы вытекала бессрочная рента.

Нельзя также положить в основание литературной собственности капитал автора; капитал этот важен только для самого автора, но бесполезен, и следовательно не имеет никакой цены для публики, которая пользуется только самым произведением автора. Что касается до понятий кредита и процентов, по аналогии с которыми хотели установить бессрочную ренту, то они решительно несовместны с понятием бессрочности.

Остается только распорядиться с миром духовным, с миром идей так же, как распорядились с землею, т. е. размежевать его на участки между частными владельцами. К этому-то именно и стремится г. де Ламартин.

«Человек трудится над обработкою поля или над изобретением выгодного ремесла. За это ему предоставляется право собственности на его произведения, а по смерти его это право переходит к наследникам, назначенным или законом или завещанием. Другой человек, забывая самого себя и семью, убивает всю свою жизнь на то, чтобы обогатить человечество каким нибудь гениальным произведением или новою идеею, которая произведет переворот в целом мире... Идея созрела, гениальное произведение вышло в свет; весь образованный мир пользуется этим произведением; торговля и промышленность эксплуатируют им в свою пользу; оно делается источником богатства, порождает миллионы, переносится из одной страны в другую, как растение».

«Неужели же этим произведением должны пользоваться все, кроме самого автора, его вдовы и детей, которые будут бедствовать в то время, как неблагодарный труд отца будет обогащать и общество и посторонних частных лиц».

Г. де-Ламартин принимает свои громкие, красноречивые фразы за доказательства. Гиперболы, антитезы, возгласы и декламация заменяют для него логику. От него требуют определения, а он рисует картину, — доказательства, а он призывает богов во свидетели, клянется своею душою, вызывает духов, плачет. Г. де Ламартин принадлежит к числу писателей, извлекавших наиболее выгод из своей болтовни; он награжден, свыше заслуг своих, и деньгами и славой, — а жалуется на бедственное положение. Кто же в этом виноват? Можно ли обвинить общество в неблагодарности за то, что г. де Ламартин только и умеет что размышлять?

Я готов согласиться на исполнение желания г. де Ламартина, но нужно точнее знать чего именно он требует. Попробуем привести в ясность мысль этого великого рифмоплета.

Ему хочется, чтобы литературная собственность не смешивалась с простым владением литературным произведением или ценою его; ему хочется, чтобы она по отношению к миру интеллектуальному и нравственному была тем же самым, чем поземельная собственность в отношении мира промышленного и земледельческого. Тут, значит, требуется присвоить автору, самую идею, клочок интеллектуального и нравственного мира, а не формулу, не внешнее выражение этой идеи. Такое заключение очевидно вытекает из сравнения писателя, создающего и развивающего идею с человеком, который обрабатывает поле и, с дозволения общества, становится собственником этого поля.

Даже г. Фредерик Пасси, один из самых ярых защитников литературной собственности, столько же ненавидящий софистов как и г. де Ламартин, находит, что в высшей степени несправедливо таким образом защищать принцип раздробления общественной собственности и завладения ею посредством обработки; что подобные рассуждения ведут к уничтожению поземельной собственности; что люди, высказывающие подобные мнения, сознательно или бессознательно, становятся злейшими врагами права собственности. Так же смотрит на это и г. Виктор Модест. Я, с своей стороны, вполне согласен с гг. Фред. Пасси и Виктором Модестом; я готов обеими руками подписаться под такими рассуждениями и потому считаю требование г. де Ламартина совершенно неосновательным.

На каком же принципе может быть основана литературная собственность, — говорит г. Фредерик Пасси, — если для установления её недостаточно качества производителя, обработывателя и акушера идеи? Неужели она может возникнуть вследствие одного произвола законодателя? — Боссюэт и Монтескье, замечает г. Виктор Модест, утверждали, что поземельная собственность основывается единственно на положительном законодательстве. Но эта система в настоящее время брошена вследствие её односторонности, произвольности и наконец потому, что она не разрешает того страшного вопроса: почему законодатель, устанавливая право собственности, не разделил землю поровну между частными владельцами и не принял мер для того, чтобы и впредь, не смотря на все движение народонаселения, продолжало существовать подобное равенство? Устанавливая право собственности, законодатель, конечно, имел на то свои основания; он

руководился соображениями общественного порядка, а такие соображения непонятны при неравенстве состояний. Но если, по современным понятиям, одной законодательной деятельности недостаточно для установления поземельной собственности, то для собственности интеллектуальной тем более нужны еще другие основания. Если допустить даже, что собственность поземельная введена путем законодательным, то неужели же из этого вытекает для законодателя обязанность, в видах симметрии, создать еще и собственность литературную? —

Что касается до права завладения или завоевания, посредством которого также думали объяснить происхождение литературной собственности, то конечно все юристы и экономисты отвергают его. Мысль о подобном праве могла явиться только в варварские времена феодализма, а в настоящее время никто не решится ее поддерживать.

Какой же принцип положим мы в основание поземельной собственности, если она не основывается ни на законе, ни на труде, ни на завоевании, ни на завладении? Для нас, однако, это важный вопрос потому, что принцип, на котором построена поземельная собственность, по словам моих противников, служит в то же время основанием, или скорее предлогом, для установления собственности литературной.

Г. Фредерик Пасси, хорошо поняв насколько опасны для поземельной собственности и законодательная, и утилитарная, и завоевательная теория и разделив таким образом мнение софиста, стал искать другой точки опоры. Он углубился в психологические исследования и что же извлек из них? — Истину? Нет, увы! созерцать эту нагую богиню не дано старцам Мальтусовой синагоги. Г. Фредерик Пасси открыл, что человек — существо деятельное, одаренное разумом, свободой воли, отвечающее за свои поступки, словом существо, одаренное личностью; что, вследствие такой деятельности, разумности, свободы, ответственности, личности, — человек стремится присвоить себе, подчинить своей власти все окружающее; — таким образом и объясняется происхождение собственности. Бедный человек! настроив свое воображение психологическими мудрованиями, он и не заметил, что повторяет другими словами те же теории, которые только что опровергал.

Несомненно, что человек действительно существо деятельное, разумное, свободное, ответственное, корчащее из себя царя природы, но тем не менее достойное всякого уважения. Личность его, покуда он не нападает на права своих ближних, неприкосновенна; произведение его защищается, как святыня. Но что же из всего этого можно вывести? — Что человеку для развития и обнаружения своей личности нужны материалы, орудия, воспитание, кредит, мена, инициатива. Но всем этим потребностям может вполне удовлетворить владение в том смысле, в каком толкует его юриспруденция, определяет гражданский кодекс, понимает и применяет на практике большинство славянских народов. Такое владение, спасающее человечество от коммунизма, может удовлетворить вполне всем требованиям политической экономии. Ничего большего не требуют, как я уже имел случай указать, все теории, толкующие о производстве, труде, мене, цене, заработной плате, сбережении, кредите, и процентах. Гражданские и семейные отношения, даже самый принцип наследственности также не требуют ничего больше. Политическая экономия, конечно, не отвергает права собственности, но могла бы обойтись и без него; она не создала его, а нашла уже готовым; она только приняла, но не искала его. Таким образом, —

не будь права собственности, — экономический мир от этого не пошел бы другим путем; но, при существовании права собственности, — узнать его происхождение и назначение, — составляет существеннейшую задачу нашего времени.

Для чего же существует это узурпационное учреждение, порожденное нашим произволом? — Очевидно, что, чем ни оправдывать право собственности, ссылаться ли на закон или на труд или на завоевание, считать ли его последствием свойственного человеку индивидуализма, стремления к свободе, к власти, словом какое толкование ни принимать, нет никакой возможности оправдать права собственности с исторической и социальной точки зрения...

Но тут я должен остановиться; издатель предостерегает меня и кричит, что я нападаю на право собственности. Подобный терроризм, обнаруживающий скорее лицемерие, чем уважение к законам и учреждениям страны, составляет величайший позор для нашего времени. Как! я нападаю на право собственности, потому что я не соглашаюсь с экономистами, принимающими его на веру, и утверждаю, что оно составляет самую трудную задачу для социальной науки, тем более, что по видимому, основывается единственно на осужденном Евангелием начале эгоизма! После этого — сказать, что доводы, приводимые Кларком — недостаточны для доказательства существования Бога, значит — нападать на божество. После этого сказать, что всякая попытка доказывать реальность материи и движения содержит в себе противоречие, и круг в объяснении, — значит сделаться скептиком и нигилистом. После этого разоблачение невежества и постановка вопросов — есть поругание всех законов божеских и человеческих. Но при таких условиях не может существовать никакая наука, никакая философия; при таких условиях не мыслимо даже существование какой либо политики, какого либо государственного управления.

Паскаль в своих «Pensées», начинает с того, что унижает человека, намереваясь впоследствии его прославить и возвеличить. Можно ли сказать, что развивая теорию первородного греха, Паскаль вооружается и против Бога и против рода человеческого? — Почти таким же образом я отношусь к праву собственности. Я принужден отвергнуть его, если буду обращать внимание только на те мотивы и принципы его, которые выставляет школа; но я готов защищать его во имя более возвышенного принципа, когда мне укажут на подобный принцип. Что же могу я сделать для права собственности, покуда я не добрался до истинной его сути, как не освободить его от тех пошлостей, которыми оно компрометируется? {9}

Пусть читатель простит мне мое увлечение и, положив руку на сердце, скажет, — возбуждают ли в нем слова мои опасение за право собственности и напротив того не уясняет ли ему вопроса, не успокаивает ли его моя аргументация. Конечно, соглашусь я с г. Фредериком Пасси, человек, вследствие своего индивидуализма, стремится к завладению, к господству. Но это еще только стремление и нужно прежде всего узнать на чём оно основано, — на ясном сознании права, как желательно думать для всякого собственника, или на порочном побуждении, как утверждают все коммунисты, начиная с Миноса, Ликурга, Пифагора и Платона. Во-вторых нужно определить условия, правила и пределы этого стремления; нужно решить на чём оно должно остановиться: на праве пользования, на usufructe, на владении, на эмпитеузисе или на праве собственности? Право собственности

есть право владычества; но справедливо ли, разумно ли с точки зрения социальной допускать такое владычество индивидуума? — Не все люди могут быть собственниками; кто же попадет в число избранных? — Какое вознаграждение, какую гарантию дать прочим?... Заметьте, что экономические соображения тут ровно ни к чему не ведут: нельзя сослаться ни на интересы производства, ни на интересы земледелия потому, что в большей части государств земля обрабатывается фермерами, арендаторами, а не собственниками. Наконец каким же образом, вследствие каких высших соображений, до сих пор остающихся неизвестными, возникло понятие права собственности. Чрезмерное развитие института права собственности погубило Италию, *latifundia perdidit Italiam*, как говорят историки описывающие падение римской империи; с другой стороны нам случалось слышать, что право собственности может служить синонимом злоупотребления. Как согласить все эти мнения? — Может ли право собственности быть ограничено не потеряв своего характера? Где провести подобные границы и какой закон их установит? — Вот что должен бы объяснить нам г. Фредерик Пасси, но вместо чего он отделался пошлейшим софизмом (я применяю к нему тот же эпитет, которым он меня наделил) и ответил на вопрос — вопросом же.

Итак люди, требующие установления литературной собственности, надменно надписывающие на своих брошюрах (которые состояются не иначе как вчетвером): мы — экономисты, мы — юристы, мы — философы, подразумевая под этим, что противники их — только софисты; эти школьные педанты, невежества которых стыдится даже их аудитория, не знают — что такое поземельная собственность, которую они хотят взять за образец для задуманной ими подделки; они не понимают социального значения поземельной собственности и не в силах отыскать причин её происхождения. В их лагере сколько голов, столько и различных мнений и трудно решить какое качество в них преобладает, — высокомерие или непоследовательность. Если кто либо осмелится разоблачить всю пустоту их доктрин, то вместо всякого ответа они обвиняют подобного критика в богохульстве. Потомство произнесет свой приговор над этою гнусною шайкою, столько же невежественною, сколько и недобросовестною и на нее падет ответственность за всю ту грязь, за весь тот кретинизм, в который погружена современная Франция.

Здесь неуместно было бы, повторяю я, разыскивать вследствие каких политических, экономических и социальных соображений цивилизация пришла к установлению права собственности, — такого института, объяснить которого не в состоянии ни одна философская система, но который, тем не менее, устоял против всех нападков. В подобном изыскании нет необходимости для разбираемого нами вопроса. В силу известной аксиомы: *pro nihilo nihil*, я полагаю, что и право собственности не могло возникнуть из ничего; что оно имеет свои общественные и исторические причины. Пускай сторонники литературной собственности, взбешённые тем, что не сумели доказать её законности, накинутся с досады на поземельную собственность; пускай они затронут ее, если только смеют, и я, быть может, возьмусь за её защиту и еще раз покажу этим невеждам на что способен софист. В настоящее время, принимая право собственности за существующий факт, я ограничусь заявлением, что не только не думаю восставать против этого права, но напротив того хочу опираться на него в настоящем споре и буду только доказывать, что существование поземельной собственности ни каким образом не может служить оправданием для введения права собственности интеллектуальной и что подобного установления вовсе не требуется

ни для обеспечения прав общества, ни для обеспечения свободы частных лиц, ни для охранения общественного благосостояния, ни для защиты права производителей.

Иное дело — право производителя на плоды, произведенные его трудом и право собственности на поземельный участок, которое сверх того, жалует ему общество. Производитель по праву владеет своим продуктом, но право собственности на поземельный участок предоставляется ему обществом в виде дара. Я не порицаю общества за такую щедрость, я думаю, что она основывается на высших, неизвестных нам соображениях, и что если институт собственности до сих пор содержит в себе много несправедливого и со времен Римлян сделано весьма немного для увеличения его правомерности, если наконец, в настоящее время, институт этот потерял прежнее свое значение и обаяние, то этим может быть главным образом он обязан нашему невежеству. Но принимая право собственности поземельной за существующий факт, неужели нам необходимо, требовать от общественной власти, чтобы она подвергла область умственную, духовную такой же регламентации, какая применяется к земле? — Конечно нет, потому что между этими двумя сферами нет ничего общего; духом и материей управляют не одни и те же законы. Допустить подобное подчинение одним и тем же законам совершенно различных сфер было бы так же нелепо, как посадить райских птиц на пищу геен и шакалов.

Кроме того, и сами защитники литературной собственности думают совсем не то, что говорят. Истощив весь запас своих доводов в защиту своего кумира, по свойственной им непоследовательности, они кончают тем, что отвергают то условие, которое одно только и могло придать некоторую возможность осуществлению химеры, которую они проповедают.

Будем помнить, что вопрос не в том только, чтобы обеспечить литератору справедливое вознаграждение за его произведение, но в том, чтобы установить в пользу его собственность, подобную поземельной. Тут, следовательно, пришлось бы частным лицам присваивать общий фонд, из которого черпают все производители. Возьмем пример.

В поэме, на составление которой он употребил 11 лет, Вергилий воспел происхождение и древность римского народа. Во всей истории рода человеческого вряд ли удастся насчитать много таких образцовых произведений, какова Энеида, не смотря на все недостатки, в ней встречающиеся. Конечно труд великого поэта имеет не менее значения, чем труд земледельца, которому верховная власть дарит в полную собственность клочок земли, им обработанной. Вергилий распахал поле Латинских преданий; он вырастил цветы и плоды на такой почве, которая до того производила только терновник, да крапиву. Август щедро наградил его за это сочинение; но осыпав поэта своими милостями, император вознаграждал только производителя за труд: оставалось еще создать право собственности. Итак Вергилий умер, но Энеида спасена от огня; следовательно наследникам поэта должно принадлежать исключительное право воспевать Евандра, Турнуса, Лавания, прославлять римских героев. Всякому поддельщику и литературному вору (*plagiaire*) запрещается воспевать любовь Дидоны, перелагать в латинские стихи Платоновы доктрины и религию Нуммы. Лукан не имеет права на издание своей Фарсалы; — это было бы нарушением прав Вергилия, — нарушением тем более предосудительным, что, враг императоров, Лукан отзывается о Помпее, Катоне и Цезаре вовсе не так, как подобает верноподданному. Самому Данте придется воздержаться: пусть он перелагает в песни христианскую теологию и осуждает на

всевозможные адские муки врагов своих гвельфов, — это ему дозволяется; но путешествие его в ад, хотя бы и в обществе Virgiliya, есть ни что иное, как литературная кража.

Вот на каких началах должна бы построиться литературная собственность, если бы обратить внимание на аналогию с собственностью поземельною и на феодальные тенденции. При господстве феодализма все основывалось или стремилось основываться на привилегиях: одна церковь могла разрешать все вопросы, относящиеся до религии; одно духовенство могло отправлять богослужение; один университет мог преподавать теологию, философию, право, медицину, — право иметь 4 факультета составляло, да и до сих пор составляет, — привилегию университета. Военная служба была доступна только для дворян; судебная власть мало-помалу сделалась наследственной; ремесленным корпорациям, цехам предписывалось придерживаться определенной законом специальности и не вторгаться в сферу других цехов. Делая Расина и Буало своими историографами, Людовик XIV может быть и не думал о том, чтобы предоставить их наследникам исключительное право повествовать об его великих деяниях; по принципам того века (которых и в настоящее время держится г. де Ламартин) Людовику XIV весьма легко было бы установить подобную привилегию. Если бы какому нибудь юному поэту вздумалось издать свои стихотворения под названием: «Поэтических размышлений»{10*} (*Méditations poétiques*), — разве г. Ламартин в глубине души своей не счёл бы подобный поступок за воровство, за подделку? — Гг. Фредерик Пасси, Виктор Модест и П. Пальотте в предисловии к своей книге пишут: мы — экономисты, и как будто бы кричат публике: Берегись! — те, которые нападают на литературную собственность — не компетентные в этом деле судьи; они не экономисты, у них нет диплома от академии, их сочинения издаются не Гильоменом, — следовательно, они не имеют права голоса.

Эти то знаменитые экономисты пятаются от последствий, естественно вытекающих из провозглашённого ими принципа; так что не только для посторонних лиц, но и для них самих перестает быть понятным, — чего они хотят? —

«Идеи, говорит г. Лабуле, отец, составляют общее достояние, которое частному лицу так же трудно присвоить как воду морскую или воздух. Я пользуюсь идеями, которые находятся в обороте, но не обращаю их в свою собственность. Человек добывает из моря соль, другой пользуется воздухом для приведения в действие мельницы, оба сумели создать себе частную собственность, частное богатство; но разве это мешает и прочим людям пользоваться теми же неистощими источниками и разве, вследствие того, что воздух принадлежит всем, всякий имеет право завладеть моею мельницею?» —

Последняя фраза ничто иное, как скачок. Мельница есть имущество недвижимое вследствие того, что она прикреплена к земле; не будь этого прикрепления, она была бы частью капитала. Пример, приводимый учёным юристом и экономистом г. Лабуле, говорит, следовательно, не за право собственности, а против него. Тот же писатель прибавляет:

«То же самое можно сказать и о книге, с тою только разницею, что литературное произведение не приносит ущерба общему фонду, но скорее обогащает его. Боссюет написал «Всемирную Историю»; Монтескье издал в свет «Дух Законов»; мешает ли это другим писателям составлять новую всемирную историю или открывать новый дух законов?

— Уменьшилось ли число находящихся в обороте идей? — Расин написал «Федру», но это не помешало Прадону выбрать тот же сюжет, и никто не счёл подобного поступка контрафакцией. Пишите историю Наполеона и пользуйтесь при этом трудами г. Тьера, но не перепечатывайте текста его книги потому, что подобная перепечатка была бы таким же очевидным преступлением, как и покража плодов, растущих в моем саду».

Приводя цитаты из сочинений подобного экономиста нужно бы комментировать каждую его фразу. Книгу нельзя сравнивать с мельницей потому, что книга — продукт, который может войти в состав капитала разве тогда, когда из книжной лавки попадет в библиотеку учёного; мельница же, построенная на земле, входит в состав того права собственности, которое признано законодателем, вследствие неизвестных нам соображений. Правда, что литературное произведение обогащает общество, но тоже самое делают и прочие продукты. Литературный вор, конечно, преступник, но не такой, как человек, укравший, плоды, выросшие на чужом поле. Это объясняется тем, что сочинение автора есть его продукт, плоды же составляют прибыль, приобретаемую собственником по праву приращения (accession). Я не стану останавливаться на этих мелочах, но обращаю внимание только на главную мысль.

Итак, по мнению г. Лабуле, область интеллектуальная, в отличие от области земной, не подлежит присвоению. Пускай человек приводит свою мельницу в движение посредством воздуха, воды или пара, мельница все таки будет ему принадлежать; но самая мысль об употреблении воздуха, воды или пара как орудий движения, самая мысль о замене ими рук человеческих не может быть объектом права собственности. Правда, что тут иногда может быть речь о привилегии; но заговорить о привилегии, — значит вернуться к обыкновенному положению производителя, которого вознаграждают за труд, предоставляя ему на известное время исключительное право распространять свой продукт, и извлекать из него прибыль. При такой оговорке мнение г. Лабуле безупречно: изобретение может породить право первенства (priorité), но не может служить поводом к установлению права собственности. Скажут ли нам наконец, — г. г. экономисты, юристы и философы — чего они добиваются и на что жалуются? — До сих пор их решительно нельзя понять и требования их далеко еще не формулированы. Послушать их, так они самые энергические противники монополии. Пусть же они будут верны своим правилам и перестанут надоедать публике своими глупыми декламациями.

Земля разделена между частными владельцами и хотя теория права собственности еще окончательно не установлена, составляет еще не разрешённую задачу, но тем не менее поземельная собственность представляет собою многозначущий факт, занявший видное место и в международной политике и в отношениях частных лиц, факт, который принято объяснять высшими соображениями, которому принято приписывать возвышенную цель, не смотря на то, что ни этих высших соображений, ни этой цели мы не понимаем.

В настоящее время, когда мы только что начинаем знакомиться с наукою социальной организации, прилично ли заносить руку на это непонятное для нас учреждение, прилично ли перепутывать все понятия, не отличать неба от земли и перевертывать весь свет для удовольствия нескольких педантов? — На что жалуются литераторы? — разве положение их хуже положения других производителей? — Поземельная собственность возбуждает в них зависть; но подобное явление совершенно в природе вещей, и не худо бы им понять свое

положение прежде, чем жаловаться на него. Пускай они, в ожидании новых благ, вместе с прочими людьми пользуются тем, что до сих пор добыто прогрессом. С тех пор, как прошла пора феодализма, земля, хотя еще и не составляет общей собственности, но доступна для всякого. Слуга, работник, арендатор, торговка, всякий может посредством сбережения части своих скудных доходов скопить хотя небольшой капитал, приобрести на него недвижимое имущество и говорить в свою очередь: я тоже собственник! — Кто же мешает и литератору поступить таким же образом? — Подобные превращения постоянно повторяются; но обратить вознаграждение, следующее писателю, в какое то постоянное ростовщичество — значило бы перепутать все понятия и перевернуть весь социальный строй.

Версия #1

Зверобой создал 24 марта 2025 03:57:58

Зверобой обновил 24 марта 2025 04:04:51